

Пролог

Они мертвы. Все до одного. Паскаль, Роб, и вот теперь Даниэль. Мертвы.

Я старался не думать об этом, несясь по осыпающемуся и усеянному камнями туннелю в окружении пляшущих на стенах теней от факела. Я держал его над головой, чтобы дым не попадал в лицо, но от тошнотворной вони горящей смолы все равно было никуда не деться. До моего слуха только и доносились, что собственная одышка да шлепанье ног по лужам, обильно покрывающим известняковый пол.

Внезапно слева возникла зияющая пасть уводящего в темноту туннеля, и я тут же нырнул в него, надеясь поглубже затеряться в подземном лабиринте и молясь про себя, что не упрусь в тупик. Тогда я окажусь в западне. И мои преследователи неминуемо догонят меня. Раскрошат мне череп на кусочки, как сделали это с Паскалем. Сожгут заживо, как поступили с Робом. Что сотворили с Даниэль, мне было неизвестно, однако, судя по ее воплям, вряд ли с ней обошлись милосерднее.

Мне отчаянно хотелось верить, что я ошибаюсь, что на самом деле Даниэль жива, и на пару мгновений я позволил разыграться воображению и потешил себя успокоительной фантазией: как-никак, я ведь не видел ее мертвой...

Нет, не видел. Зато слышал. Даниэль мертва, иначе и быть не может, и я — следующий. Обречен, как и все они.

И все равно я продолжал бежать. Все равно продолжал машинально переставлять ноги. Я был слишком напуган, чтобы принять неизбежное, сдаться и умереть. И глубоко во мне засело отчаянное желание выжить. Пускай даже у меня больше и не оставалось ничего, ради чего стоило продолжать жить.

Я открыл рот и издал вопль. И он мне очень и очень не понравился. Душераздирающий, опустошенный и исполненный боли. Так могла бы визжать избитая до полусмерти дворняжка. Впрочем, отвращение к самому себе весьма быстро угасло, поскольку буквально через пару секунд, как смолк мой жалкий вой, позади послышался неистовый хор диких криков и завываний.

И очень близко, черт возьми!

Рев за спиной нарастал в иступленной жажде крови. Меня обуял ужас, но бежать быстрее я уже не мог. Я отчаянно старался быстрее переставлять ноги, ставшие будто железобетонными, но все равно двигался механически — словно по дорожке бегового тренажера.

Вдруг потолок и стены исчезли, и меня обьяла безбрежная тьма. Бросив взгляд вверх, чтобы оценить размер этого нового зала, я споткнулся на неровной поверхности, потерял равновесие и рухнул на груды какого-то мусора. Факел вылетел из руки и приземлился в метре передо мной. Какое-то время я таращился на отполированные камни, поблескивающие в коптящем пла-

мени, пока не сообразил, что это вовсе не камни, а кости. Человеческие кости. Черепа, ребра, локтевые и берцовые... Я дотянулся до факела и вскинул его над собой.

Кости, кости, повсюду сплошные кости — насколько хватало взгляда.

Я поднялся на ноги, сделал несколько нетвердых шагов, словно бы бредя по патоке, и упал на колени. Старая бедренная кость раскололась под моим весом с треском сухой ветки.

Издаваемые преследователями вопли зазвучали громче. Обернуться не хватало духу. Вместо этого я запустил руки в массу останков перед собой, вцепился в ломкие кости и подтащил себя вперед. Ноги уже совершенно не слушались.

Наконец, совершенно обессилев, я повалился на грудь и так и лежал, задыхаясь, среди тысяч останков, в то время как изнутри меня накрывала дремотная тьма.

Надо же, не пахнут, мелькнула у меня мысль. Кости совершенно не пахнут. Забавно, мне-то всегда казалось, что они должны издавать вонь.

А затем, уже как-то отрешенно, едва ли не подсознательно, я подумал: «Не хочу так умирать. Не здесь и не так. Не хочу превратиться в еще одну кучку безымянных костей, позабытых всем миром».

А все из-за той видеокамеры.

Из-за той сраной видеокамеры.

Сорока часами ранее

Глава 1

Я сидел на уличной веранде в 3-м округе Парижа и в ожидании, пока остынет дымящийся капучино, размышлял, как же далеко меня занесло от дома. Я родился в Олимпии, штат Вашингтон, однако когда мне исполнилось десять, семья переехала в Сиэтл. Отца моего сократили с должности техника в одном из центров «Кэнон», и он решил попытать счастья в городе покрупнее. В итоге он занялся продажей поддержанных автомобилей в салоне «Форд». Однако торговой жилки у него никогда не было, так что на сем поприще он так и не преуспел и до самой пенсии выполнял распоряжения начальника двадцатью годами младше него. Мать, в Олимпии заведовавшая библиотекой в частной средней школе, в Сиэтле устроилась на административную должность в Библиотечной системе округа Кинг. И хотя оклад у нее стал ниже, она не жаловалась. Мать всегда была командным игроком, других ставила выше себя, и особенно это проявлялось в семье.

Большинство моих друзей поступили или в Сиэтлский университет, или в Вашингтонский, или в какой-нибудь региональный кол-

ледж поскромнее. Просто хотели получать образование поближе к дому, чтобы в целях экономии жить с родителями. Мне же такой подход показался скучным, и в свой жажду приключений я пересек всю страну и стал изучать журналистику в Нью-Йоркском университете. Мне хотелось сполна вкусить студенческой жизни — а ведь для этого необходимо покинуть отчий дом. В голове моей засели слова учителя английской литературы в выпускном классе школы, как-то заметившего на уроке, что три-четыре года учебы в университете, скорее всего, так и останутся лучшими в нашей жизни, так что стоит насладиться ими в полной мере. Уж в моем случае он точно оказался прав. Не то чтобы я вволю повеселился в бытность студентом — хотя удовольствий на мою долю выпало немало, — вот только дела мои обернулись совсем хреново, когда через два года после окончания университета погибла моя младшая сестра, Максин.

Отважившись глотнуть потихоньку остывающий кофе, я решил про себя, что 3-й округ напоминает манхэттенский район Сохо. У него такой же молодежный дух, с его пивнушками, модными бутиками, винтажными лавками и ресторанчиками — просто земля обетованная для хипстера. Главное отличие, пожалуй, заключалось в том, что здесь как будто никто никуда не спешил.

Рабочий день закончился, и столики вокруг меня были заняты мужчинами в темных костюмах — кое-кто из них уже избавился от галстука